

Но число «двенадцать» имеет, по-видимому, и другой смысл. Заметим два обстоятельства: 1) роман разделен на двенадцать книг (само деление на книги тоже, разумеется, показательное); 2) характерные мотивы, которые этот роман заключают. Алеша кончает речь у камня следующими словами: «... вечная ему (Илюше, — В. В.)... память в наших сердцах, отныне и во веки веков!

«— Так, так, вечная, вечная, — прокричали все мальчики своими звонкими голосами, с умиленными лицами...

«— ... вечная память мертвому мальчику! — с чувством прибавил опять Алеша.

«— Вечная память! — подхватили снова мальчики.

«— Карамазов! — крикнул Коля, — неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

«— Непременно встанем, непременно увидим и весело, радостно расскажем друг другу все, что было, — полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

«— Ах, как это будет хорошо! — вырвалось у Коли<...>

«— Ну пойдемте же! Вот мы теперь и идем рука в руку.

«— И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамазову! — еще раз восторженно прокричал Коля, и еще раз все мальчики подхватили его восклицание» (10, 337—338). Этим кончается весь роман.

Мотивы «вечности», «вечной» жизни, многократно здесь повторяющиеся, вместе с «непременно встанем, непременно увидим» и т. д., мотивы, заключающие весь роман, совпадают с последними (из двенадцати) догматами христианского символа веры: «Чаю воскресения мертвых. И жизни будущего века». Нет надобности говорить, какое значение имеет в этом романе Достоевского мысль о бессмертии и вечной жизни, утверждаемая в конце произведения. Достаточно напомнить, что с противоположной мысли, мысли, что нет бессмертия души, начинается свою бунтующую проповедь Иван. Вряд ли случайно, что Достоевский разделил свой роман на двенадцать книг и кончил его двенадцатым и последним догматом Символа веры.
